

Main directions of intertextual research and prospects of further research of intertextual interaction

The article deals with the main directions of intertextuality research and the prospects of their development. It is noted that, despite the huge number of works devoted to various aspects of intertextuality, there is still great interest in this issue. The research analysis regarding the intertextuality issue allows the conclusion about several approaches to research it. It is emphasized that there are no strict limits between them, the elements of integration with other approaches can be found. It is also noted that a number of research works can hardly be referred to any of the mainstream.

Key words: *intertextuality, structural and semiotic approach, cultural and semiotic approach, semiotic and hermeneutic approach, synergetic approach, communicative approach, ethnopsycholinguistic approach.*

(Статья поступила в редакцию 22.12.2016)

М.А. КАЛИНИНА
(Волгоград)

ВЫЯВЛЕНИЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере галлицизмов)

Рассматриваются вопросы адаптации иноязычной лексики (на примере галлицизмов) к системе русского языка, в частности выявления ее деривационного потенциала. Рассмотрение происходит с учетом семантико-деривационных и словообразовательных особенностей. Это позволяет установить системно-структурные связи заимствованных слов в русском языке.

Ключевые слова: *заимствование, галлицизм, деривация, семантическая деривация, деривационные возможности, деривационный потенциал, словообразовательный потенциал.*

Несмотря на активный интерес лингвистики к заимствованной лексике и пристальное ее рассмотрение, в науке о языке остается немало нерешенных вопросов, связанных с ее дерива-

ционным потенциалом в русском языке. Определение деривационных возможностей заимствования является одним из значимых критериев его освоения русским языком. К сожалению, значительно затрудняет работу недостаточная лексикографическая освещенность, когда требуются системно-структурные сведения о заимствовании. Слово как узел пересечения парадигматических и синтагматических свойств нуждается в установлении системно-деривационных закономерностей развития.

Поскольку под потенциалом языковой единицы понимается некий объем накопленных ею ресурсов в системе языка-источника и языка-реципиента в процессе поэтапного формирования, то каждый определенный этап будет характеризоваться совокупностью соответствующих признаков, которые и должны быть представлены в словарной статье.

Например, *багаж* репрезентирован в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крыгина двумя семами: «1. Упакованные для отправки, перевозки вещи, груз пассажиров. *Получить багаж. Сдать в багаж. Отправить багажом*; 2. *перен.* О запасе знаний, сведений. *Научный багаж*» [4, с. 97].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных относительно слова *багаж* дополнительно отмечается, что «в начале XVIII века это слово могло употребляться и с более широким значением: “телеги и все, что с собою можно в дорогу взять”, т.е. “военный обоз”» [11, т. 1, с. 63].

Таким образом, возникновение дополнительного, переносного значения говорит о достаточной степени освоенности слова, позволяющей носителям языка сформировать коннотативные значения в процессе речевой деятельности. Это синтагматическое свойство обусловлено долгим процессом включения лексики *багаж* в систему русского языка.

Соответственно, благодаря достаточному лексикографическому описанию мы можем выявить особенности освоения иноязычного слова, динамику формирования его значения в языке-реципиенте, чем обусловлено его современное понимание и что определяет его деривационные возможности.

Исследованию деривационных возможностей сопутствует термин «продуктивность». Это мера потенциального заряда словообразовательной единицы [3]. *Продуктивность* как категория, измеряющая деривационный по-

тенциал лексемы, связывается с тем типом речевой деятельности носителей русского языка, в результате которой возникают новые языковые единицы [10]. В этом состоит основное отличие *продуктивности* от *креативности*, когда говорящие осознанно используют ресурсы языка при производстве новой лексической единицы с намерением достичь какого-либо коммуникативно-прагматического эффекта. Креативность связана, как правило, с эмоциональной оценкой и чаще всего имеет чисто субъективный характер, поскольку определяется психологическими особенностями восприятия конкретных предметов и явлений отдельным человеком. Результатом такой оценки являются *окказионализмы*, или индивидуально-авторские неологизмы. Креативность как первая стадия включения иноязычного элемента в языковую систему – явление индивидуальное, единично встречающееся в речи, и потому лишенное регулярности. При этом важно отметить, что именно *регулярность* и *частотность* являются факторами, влияющими на деривационную активность языковой единицы (в нашем случае – галлицизма). В связи с этим деривационные возможности заимствования целесообразно рассматривать с точки зрения:

- а) деривационной активности самой лексемы;
- б) деривационной активности ее отдельных словообразовательных элементов.

Соответственно, источником и носителем деривационных возможностей может выступать как целое слово, так и его словообразовательные элементы – корневая и аффиксальная морфемы.

Деривационные возможности конкретной лексемы связаны с так называемой *семантической деривацией*. Семантическая деривация представляется нам одним из важнейших критериев ассимиляции заимствования к системе русского языка. Однако в лингвистике до сих пор отсутствует единое мнение о том, что включать в понятие «семантическая деривация». Изначально под данным термином понимался процесс, приводящий к разрушению категориально-лексической семы, образованию новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семантические группы, а также к установлению новых системных отношений [6]. Одно из современных пониманий семантической деривации – «процесс появления у слова семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций,

т.е. процесс расширения семантического объема слова, приводящий к появлению семантического синкретизма, а потом и процесс распада семантического синкретизма, приводящий к появлению явления так называемой полисемии» [9, с. 644]. Мы придерживаемся точки зрения Д.Н. Шмелева, согласно которой семантическая деривация выступает основой производных, *эпидигматических*, отношений и представляет собой множество различного рода преобразований, приводящих к изменению семантической структуры слова [12].

Например, галлицизм *винегрет* – 1. «холодное кушанье из мелко нарезанных овощей с уксусом, маслом и др. приправами» – развивается на русскоязычной почве дополнительное значение: 2. *разг.* «о беспорядочной смеси, смешении разнородных предметов и понятий» [8, т. 1, с. 176]. Изменения в семантической структуре заимствования, возникшие в результате семантической деривации, являются не только потребностью номинации новых предметов и явлений действительности, но и следствием переосмысления значений носителями русского языка, что обусловлено стремлением говорящих к экспрессивности, а также отталкиванием от привычных речевых средств выражения [12].

В этом состоит основное отличие семантической деривации от так называемого *вторичного заимствования*, когда новое значение попадает путем повторного заимствования из французского языка, что может привести к развитию омонимии. Как отмечает Анна А. Зализняк, «отношение семантической деривации устанавливается внутри одного слова (или между словами, восходящими к одному источнику), не является семантической деривацией то, что происходит из разных источников, т.е. случаи омонимии» [2, с. 21]. Ср.: *купюра* 1 – от фр. *coupure* – слово, впервые зафиксированное в русском языке в середине XIX в. как «сокращение, изъятие в тексте» [4, с. 376]; в начале XX в. *купюра* заимствуется повторно в новом значении «ценная бумага – облигация или денежный знак» [Там же] и находит более широкое употребление.

Появление вторичных значений у галлицизмов может происходить в результате изменений семантического объема слова. Так, расширение семантического объема подразумевает и увеличение количества значений галлицизма, и расширение сферы его употребления: *люкс* – «лучший по оборудованию, обслуживанию номер гостиницы, вагон, салон, ка-

юта и т.п.» → «высшего класса, разряда, сорта» [4, с. 403]. Архисема «лучший по внутренней наполняемости» переходит в процессе семантической деривации в обобщение «лучший»; *велюр* – «плотная ткань (драп или фетр) с мягким густым коротким ворсом» → «мягкая кожа, выделанная под бархат, замшу» [Там же, с. 143]. Архисема «особый сорт ткани» сохраняется, но позже появляется дополнительная дифференциальная сема «особый вид кожи».

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается интенсификация расширения семантических объемов слов, возникновение абсолютно новых значений, а потому процесс семантической деривации путем расширения значения слова можно назвать одной из наиболее активных тенденций в области семантико-деривационных возможностей галлицизмов.

Вторичные значения могут также появиться на основе метафорического переноса (представляющего собой один из видов семантической деривации). В основе метафорического переноса наименования лежит некий образный компонент, определяющий область сходства в процессе метафорической номинации, который облегчает чувственно-наглядное восприятие слова. Наличие данного компонента способствует образному или смысловому ассоциированию. Например, *канитель* имеет первичное значение «очень тонкая, металлическая нить для вышивания, для украшения чего-нибудь» [Там же, с. 298]. Причина появления новых значений «длинный, скучный разговор», «нудное, затяжное дело» становится ясной, если вычленив в них образный элемент «долгий, длительный», который облегчил процесс ассоциативно-образного переноса наименования. В основу метафорического переноса у галлицизма *марьяж* (пришедшего в русский язык со значением «свадьба, брак») лег семантический признак «сочетание», наличие которого способствовало развитию дополнительного значения, которое встречается в карточных играх – «король и дама одной масти в руках одного игрока» [Там же, с. 418].

Выявление деривационных возможностей иноязычного слова, как было уже замечено, сопряжено с фиксацией в словарях однокоренных слов. Это не только определяет семантико-деривационный потенциал лексем, но и способствует установлению словообразовательного потенциала. Наличие однокоренных слов помогает установить словообразовательную структуру слова. Аффиксы, или в ши-

роком понимании форманты, определяются как основное словообразовательное средство, которое служит главным показателем производности и способно вместе с производящей основой выражать словообразовательное значение слова, производного от заимствования. Однако следует учесть, что словообразовательным значением обладают не только производные слова, но и непроизводные слова с достаточной степенью членимости. Это замечание существенно, т.к. вопрос о морфемном членении иноязычных слов нельзя считать окончательно решенным. Особенно это актуально для заимствований из французского языка: большинство галлицизмов в русском языке непроизводные.

Так, интересен пример включения в словарь иноязычных слов следующих галлицизмов: *вульгарный* – 1) «пошлый и грубый», 2) «непристойный», 3) «упрощенный до искажения, опошления»; *вульгаризатор* – «тот, кто вульгаризирует, чрезмерно упрощает что-нибудь», *вульгаризация* – «чрезмерно упрощенное изложение какого-л. учения, искажающее его сущность; грубое упрощение», *вульгаризировать* – «осуществлять вульгаризацию чего-нибудь», *вульгаризм* – «лингв. вульгарное слово или выражение, употребляемое в литературном языке» [4, с. 153–154].

Данные однокоренные лексемы представляют собой словообразовательную парадигму, элементы которой относятся к различным грамматическим категориям. Именно различная категориальная соотнесенность способствовала незатруднительному выделению связанной корневой морфемы и аффиксальных морфем, многие из которых являются продуктивными в русском языке: *-изм, изация, -атор, -изировать*.

Тем не менее формальный характер производности данных слов – вовсе не повод, чтобы говорить о словообразовательной структуре галлицизмов в целом. В русском языке франкоязычные заимствования (как, впрочем, и вся заимствованная лексика) имеют затемненную словообразовательную структуру, т.е. у них отсутствуют мотивационные связи. В лингвистической литературе такой процесс называется *деэтимологизацией* (или опрощением) [13, с. 349]. Опрощение коснулось как сложных французских слов (*моветон, журфикс, одеколон, маршрут*), так и слов с более простой структурой (*туше, бандаж, мулине, фермуар, куафёр, свита, трамблер, актер, фуэте* и т.д.). В русском языке подобные слова не мо-

тивированы, однако во французском языке у них есть мотивирующее слово (словосочетание).

Например, лексема *моветон* образована от словосочетания *mauvais ton* «дурной тон»; *журфикс* – от *jour fix* «назначенный день»; *одеколон* – от *eau de cologne* «вода из Кёльна»; *маршрут* – от сочетания глагола *marcher* «идти» и существительного *route* «путь»; *аллея* – от *aller* «ходить»; *мулине* – от *mouliner* «сучить шелк»; *фермуар* – *fermer* «закрывать»; *куафёр* – от *coiffer* «причесывать»; *трамблёр* – от *trambler* «дрожать»; *фуэте* – от *fouetter* «хлестать»; *свита* – от *suivre* «сопровождать» [4, с. 447, 254, 482, 418, 47, 457, 739, 373, 706, 767, 627].

Анализ показал, что говорить о производности галлицизмов и их словообразовательной структуре приходится в том случае, когда и производное, и производящее были заимствованы русским языком (*саботировать* – *саботаж*, *акция* – *акционер*, *буржуа* – *буржуазия*, *колонна* – *колоннада*). Тогда в структуре производного галлицизма выделяется словообразовательный аффикс, который в определенной ситуации сможет участвовать в производстве уже русских слов. Как справедливо замечает И.Г. Добродомов, «для активации чуждого аффикса необходимо, чтобы на новую почву заимствующего языка были перенесены не изолированные слова, а производные слова вместе с производящим, что составляет основу для проявления словообразовательной модели» [1, с. 260]. Действительно, проникновение иноязычных аффиксов связано с накоплением в русском языке слов с однотипной структурой, а также однокоренных слов. Подобное явление коснулось, например, так называемых слов на *-аж*. Выделение данного элемента в словообразовательной структуре галлицизмов обусловлено одновременным интенсивным заимствованием:

- французских глаголов, оформившихся на русско-язычной почве с помощью суффикса *-ирова* (*татуировать*, *массировать*, *купировать*, *экипировать*, *абордировать*, *дренировать*, *эпатаировать*) и соответствующей группы существительных (*татуаж*, *массаж*, *купаж*, *экипаж*, *абордаж*, *дренаж*, *эпатаж* и др.);
- существительных, которые являются по отношению друг к другу производящим и производным во французском языке и которые перешли в русский язык с сохранением соответствующей производности (*вольт* – *вольтаж*, *брак* – *бракераж*, *процент* – *процентаж*, *тампон* – *тампонаж* и др.).

В связи с этим у суффикса *-аж* появляются два значения: «носитель процессуального признака» и «носитель предметного признака». На основе уже существующей модели в русском языке стали свободно образовываться новые имена с суффиксом *-аж*, причем уже на основе не только заимствованных слов, но и от исконно русских лексем: *метраж*, *подхалимаж*, *типаж*, *листаж* и т.д. Таким образом, речь идет о суффиксе *-аж* как об активном элементе словообразовательной системы русского языка.

Особую группу составляют суффиксы русского языка, происхождение которых установить непросто. Предположительно, это так называемые аффиксы-интернационализмы. Они узнаваемы во всех языках и также участвуют в процессе русского словопроизводства. К такому относят элементы *-ист*, *-ция*, *-ация*, *-изм*. Многие слова, имеющие в своей структуре такие суффиксы, пришли в русский язык, согласно нашим лексикографическим изысканиям, предположительно из французского. Это стало поводом считать данные слова галлицизмами: *классификация* ← фр. *classification*, *манипуляция* ← фр. *manipulation*, *революция* ← фр. *révolution*, *авангардизм* ← фр. *avantgardisme*, *маринизм* ← фр. *marinisme*, *популизм* ← фр. *populisme*, *журналист* ← фр. *journaliste*, *казуист* ← фр. *casuiste*, *нигилист* ← фр. *nihiliste* [4, с. 325, 413, 591, 26, 416, 552, 254, 292, 472].

Разнообразие подобных слов в русском языке спровоцировало вычленение указанных элементов и дальнейшее их использование. В качестве примера можно привести слова с основой на *-ист* (*связист*, *значкист*, *танкист*, *баянист*, *чекист* и т.д.). Деривационные возможности суффикса *-ист* во многом определяются «интернациональным» фактором. Он подразумевает, что заимствование аффикса обусловлено действием принципа регулярности, согласно которому заимствование не ограничивается одним единственным языком, а встречается и в ряде других.

Соответственно, процесс абстрагирования аффиксов в структуре галлицизмов связан с проникновением в русский язык однокоренных слов. Данное требование выполняется, поскольку исторически создавались объективные условия для проникновения в русский язык большого количества заимствований из французского. В результате у некоторых из слов происходит усложнение основы. Однако не всегда выделение иноязычного аффикса как самостоятельной словообразовательной единицы русского языка дает ему возможность

стать продуктивной единицей. Чаще встречается обратное. И здесь нельзя не учитывать действие экстралингвистических факторов. Во многом заимствование отдельных словообразовательных элементов определяется потребностью самих носителей языка в новых «строительных» элементах слова. Например, в некоторых галлицизмах без особого труда вычлняются морфемы **-ep** (*карабинер, костюмер, миссионер, пенсионер, интервьюер, модельер, эмальер*); **-op** (*визитёр, вояжёр, гипнотизёр, диспашёр, хроникёр* и т.п.) со словообразовательным значением «лицо – носитель предметного признака». Однако в русском языке уже существуют суффиксы с подобным словообразовательным значением: **-ник / -ниц, -ак, -щик, -арь, -j** и т.п. (*ремонтник, работник, рыбак, барабанищик, лекарь, пекарь*). При выражении тождественных словообразовательных значений язык не приемлет избыточности языковых средств, и использование суффиксов **-ep/-op** становится неуместным. Вероятно, именно поэтому «Грамматика-80» относит суффикс **-ep/-op** к непродуктивным.

С учетом установившегося факта об отношении галлицизмов к производности и особенностях их морфемного членения возникает вопрос об установлении словообразовательных возможностей того или иного галлицизма как самостоятельной словообразовательной единицы. Речь идет об использовании корневых морфем французских заимствований и их совместности с русскими аффиксами. Лингвисты отмечают, что именно слабая морфемная членимость галлицизмов, как правило, приводит к образованию новых лексем от их иноязычной основы. Л.П. Крысин, Ю. Хак Су считают, что «словообразовательная активность иноязычного лексического элемента, его способность служить базой для создания производных слов с помощью аффиксальных средств заимствующего языка – один из показателей укоренения заимствования в этом языке» [5, с. 15]. Например, большим словообразовательным потенциалом обладают те галлицизмы, которые носители русского языка уже не воспринимают как заимствования: *журнал, салат, пальто, бульвар, кафе* и т.п. Такие слова поначалу «обрастают» грамматическими признаками русских лексем: у некоторых несклоняемых существительных появляются категории рода, числа, прилагательные включаются в словоизменительную парадигму т.д. Затем уже укоренившиеся галлицизмы становятся продуктивной основой для производства новых лексем с помощью аффиксов русского языка:

журнал – журналист, журнальный, журнальчик [8, т. 1, с. 489], *журналец (разг.), журналюга (разг.)*; *салат – салатный, салатник, салатница* [Там же, т. 4, с. 14]; *кафе – кафешка (разг.)*; *пальто – пальтовый* [8, т. 3, с. 14], *пальтецо (разг.), пальтишко (разг.)* (в просторечии встречаются склоняемые формы типа: *без пальта, в пальте, в пальтишке* и т.п.); *бульвар – бульварный, бульварчик* [Там же, т. 1, с. 124], *бульварщина* (необходимо отметить появление отрицательной коннотации у последнего) [7, с. 63]. Активность подобных лексем объясняется тем, что прохождение морфологической адаптации способствует расширению словообразовательных возможностей любого иноязычного слова (в нашем случае галлицизма).

Следует отметить деривационные особенности, касающиеся частеречной соотносительности галлицизмов. Так, существительные являются наиболее словообразовательно активным грамматическим разрядом. Связано это в том числе с лексико-тематической характеристикой рассматриваемых слов. Наиболее употребительной в речи является предметная лексика, касающаяся деталей женского туалета, внутреннего убранства, интерьера, кулинарных наименований, лексика области искусств, некоторая абстрактная лексика, затрагивающая чувства, настроения и т.д. Употребительность, или регулярность использования, – первый шаг к тому, чтобы слово укоренилось в русском языке, как мы уже отмечали. Именно регулярностью объясняется активность некоторых существительных французского происхождения при производстве глаголов: *дата – датировать, грим – гримировать, зонд – зондировать, план – планировать, шарж – шаржировать* [8, т. 1, с. 365, с. 347–348, с. 621; т. 3, с. 132–133; т. 4, с. 701–702] и др.

Особую группу составляют несклоняемые существительные, которые стали появляться в русском языке в конце XVIII – начале XIX в. в связи с активным процессом заимствования иноязычной лексики, особенно галлицизмов. При грамматическом оформлении в русском языке эта категория существительных не получила словоизменительную парадигму, что стало поводом для словообразовательных экспериментов. В современном русском языке активность при словопроизводстве указанной группы слов чаще всего проявляется в использовании в разговорной речи суффикса субъективной оценки (уменьшительно-ласкательного) **-ишк, -ишик, -юшк**: *ателье –*

ательешка, беже – безешка, канале – каналеишка, кафе – кафеишка, кино – киноишка [7, с. 273], *меню – менюишка* и др. Некоторые из этих форм отмечены в словарях, другие пока встречаются только в речи и различных стилистических текстах.

Несклоняемые существительные-галлицизмы чаще используются при производстве прилагательных. При этом в качестве основного словообразовательного средства выступают суффиксы: **-ов** (*пальто – пальтовый, бордо – бордовый* [8, т. 3, с. 14; т. 1, с. 108], *трико – триковый* [7, с. 812], *шевро – шевровый, бутик – бутиковый (разг.); -н* (*ажур – ажурный, желе – жележный, купе – купейный, реле – релейный, факсимиле – факсимильный, филе – филейный, шоссе – шоссейный* [8, т. 4, с. 707; т. 1, с. 26, 476; т. 2, с. 150; т. 3, с. 704; т. 4, с. 548, 564, 726]), на морфемном шве при этом может возникать элемент *j*, относимый к асемантическим прокладкам, так называемым интерфиксам.

Встречаются и немногочисленные глагольные формы, образованные от рассматриваемой группы слов: *гофре – гофрировать, гофрированный; декольте – декольтироваться, декольтированный; интервью – интервьюировать, интервьюироваться; плиссе – плиссировать, плиссироваться, плиссированный* [Там же, т. 1, с. 340, 380, 672; т. 3, с. 141]. Объясняется данный факт тем, что глаголы (как и прилагательные) появились в русском языке относительно позже имен существительных и носили уже производный характер. Многие словари не фиксируют частеречное многообразие галлицизмов, отдавая предпочтение только существительным. Возможно, это связано с тем, что имена прилагательные и глаголы – это уже лексемы русского языка, образованные от основ галлицизмов.

Таким образом, говоря о деривационных возможностях иноязычной лексики (в том числе галлицизмов), мы должны учитывать:

а) ее достаточную лексикографическую освещенность;

б) семантико-деривационный потенциал лексем;

в) способность производства новых лексем с помощью русских аффиксов от иноязычных основ;

г) возможность и пути использования аффиксов иноязычного происхождения при производстве новых слов от русских основ.

При этом активность отдельных словообразовательных элементов галлицизмов в русском языке зависит от множества факторов и

не носит систематический характер. Назовем основные: а) потребность носителей языка в появлении синонимичного аффикса в связи с различными социальными сдвигами; б) интернациональный статус аффикса; в) словообразовательная привлекательность.

Литература

1. Добродомов И.Г. Проблемы заимствования морфем // АПРС. Материалы республиканской научной конференции. Самарканд, 1972. С. 259–265.

2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект каталога семантических переходов // Вопр. языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

3. Каде Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных. Майкоп, 1993.

4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2002.

5. Крысин Л.П., Ю Хак Су. О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // Филол. науки. 1998. №3. С. 15–21.

6. Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград, 1988. С. 5–19.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999.

8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.

9. Тодосиенко З.В. Семантическая деривация как важнейший механизм содержательной динамики языка (на материале русского и английского языков) // Фундаментальные исследования. 2014. №5. С. 643–648.

10. Харитончик З.А. Проблемы словообразования в современной зарубежной лингвистике // Теория грамматики: Морфология и словообразование. М., 1992. С. 33–56.

11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999. 3-е изд., стереотип.

12. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

13. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998.

* * *

1. Dobrodomov I.G. Problemy zaимstvovaniya morphem // APRS. Materialy respublikanskoj nauchnoj konferencii. Samarkand, 1972. S. 259–265.

2. Zaliznjak Anna A. Semanticheskaja derivacija v sinhronii i diahronii: projekt kataloga semanticheske-

skih perehodov // Vopr. jazykoznanija. 2001. № 2. S. 13–25.

3. Kade T.H. Slovoobrazovatel'nyj potencial sufiksals'nyh tipov russkikh sushhestvitel'nyh. Majkop, 1993.

4. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov. M., 2002.

5. Krysin L.P., Ju Hak Su. O slovoobrazovatel'nyh vozmozhnostjakh inozazychnyh neologizmov // Filol. nauki. 1998. №3. S. 15–21.

6. Lopushanskaja S.P. Izmenenie semanticheskoi struktury russkikh bespristavochnyh glagolov dvizhenija v processe moduljarii // Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshhenii). Volgograd, 1988. S. 5–19.

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. M.: Azbukovnik, 1999.

8. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Rus. jaz., 1985–1988.

9. Todosienko Z.V. Semanticheskaja derivacija kak vazhnejshij mehanizm soderzhatel'noj dinamiki jazyka (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) // Fundamental'nye issledovanija. 2014. №5. S. 643–648.

10. Haritonchik Z.A. Problemy slovoobrazovanija v sovremennoj zarubezhnoj lingvistike // Teorija grammatiki: Morfologija i slovoobrazovanie. M., 1992. S. 33–56.

11. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: v 2 t. M.: Rus. jaz., 1999. 3-e izd., stereotip.

12. Shmelev D.N. Izbrannye trudy po russkomu jazyku. M., 2002.

13. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. M.: Bol'shaja Ros. jencikl., 1998.

To the issue of derivation potential of foreign language vocabulary in Russian language (by the example of Gallicisms)

The article deals with the issues of adaptation of foreign language vocabulary (by the example of Gallicisms) to the Russian language system, in particular its diversion potential. The semantic, derivational and word formative features are taken into consideration. It helps to find the system and structural context of loanwords in the Russian language.

Key words: *loanword, Gallicism, derivation, semantic derivation, derivation potential, word formative potential.*

(Статья поступила в редакцию 22.02.2017)

Н.А. МАРТЫНОВА

(Псков)

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОНЯТИЯ БЫСТРОТЫ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Освещается отражение понятия быстроты в аспекте категории движения в диалектной речи. Материал показал, что адъективные репрезентанты понятия быстроты с семантикой 'быстрый' / 'медленный' дают качественную или функциональную характеристику живых предметов окружающего мира, натурфактов, артефактов. В то же время понятие быстроты неотделимо от базовой в языковой картине мира категории движения.

Ключевые слова: *понятие быстроты, признак, оппозиция признаков, категории движения.*

Понятие быстроты как одна из концептуально значимых категорий в сознании носителей языка играет огромную роль в обыденной и духовной жизни народа, находит отражение в ее вербальных и невербальных формах, что подтверждается прежде всего данными этнолингвистики. Замечено, что совершение бытовых и производственных дел в ускоренном темпе могло быть связано со стремлением к первенству, которое обеспечивает долголетие и успех во всех предприятиях. Для вербальной магии могли использоваться не сами действия и формы быстрого движения, а обозначающие их слова (*иди, беги, быстро, скоро*); девушки, по поверьям восточных славян, услышавшие их в период святок под окнами соседей, верили, что скоро выйдут замуж [6, с. 281].

Хотя некоторые действия, совершаемые в быстром или медленном темпе, утратили свое символическое значение или приобрели другую символику, быстрота сквозь призму времени остается важнейшей характеристикой многих аспектов повседневной деятельности человека, а также отражением его видения окружающей действительности.

Обычно языковым выражением понятийной категории является слово или устойчивое сочетание. При рассмотрении понятия быстроты в русском литературном языке и в современных псковских народных говорах выявилось совпадение лексических репрезентантов ядерной зоны лексико-семантического объ-